

Глава 5

Церковь на переломе

Леонид (Лобачев), 1954–1960

В 1896 году в семье крестьянина д. Черные Грязи Химкинского уезда Московской губернии родился Илья Христофорович Лобачев, будущий архиепископ Леонид. Отправленный в юном возрасте в Сокольники постигать скорняжное ремесло, он вскоре приобщился к посещению местного храма, куда влекло его еще неосознанное желание посвятить себя служению Господу. К моменту окончания Московского Алексеевского коммерческого училища это стремление в нем окрепло, и в 1916 году он поступил послушником в Московский Чудов монастырь, а через два года перешел в Новоспасский ставропигиальный монастырь, где постепенно стал готовить себя к иноческому подвигу. В 1925 году Илия был пострижен в монашество и получил имя Леонид, затем был рукоположен во иеродиакона, а 14 июля того же года в иеромонаха. Священническое служение он отправлял в Ярославской епархии, где в 1930 году был удостоен сана архимандрита.

Великая Отечественная война вернула ему на время мирское имя. И как в стародавние времена, когда монахи Пересвет и Ослябя встали в ряды защитников своей Отчизны против иноплемеников, так и теперь вчерашний монах не посрамил своего высокого звания служителя Того, кто сказал, что “нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих” (Иоан. 15, 13). Но если монах Пересвет, отдавший свою жизнь за победу над татарским богатырем Челибе-ем, вошел во все учебники как герой Куликовской битвы, то гвардии старшина Лобачев, доказавший не меньшую преданность своей Родине, фактически исключил себя из списка героев войны, взяв после нее назад свое монашеское имя. И те награды, которыми оценила его страна, – орден Красной Звезды, медали “За отвагу”, “За боевые заслуги”, “За оборону Москвы”, “За оборону Сталинграда”, “За взятие Будапешта”, “За взятие Вены”, “За победу над Германией” – остались в прошлом, лишь как принадлежность его короткой военной биографии.

После демобилизации в 1946 году из армии архимандрит Леонид некоторое время священствовал в московских храмах, а с 1948 по 1950 год ему была оказа-

на высокая честь быть первым представителем Московского Патриархата на Святой Земле в качестве начальника Русской духовной миссии в Иерусалиме. После возвращения на родину он состоял настоятелем вначале лосиноостровской Адриана и Наталии церкви под Москвой, а затем церкви преподобного Пимена Великого в Москве. 7 июня 1953 года архимандрит Леонид был хиротонисан во епископа Астраханского и Сталинградского, а 9 февраля 1954 года Святейший Патриарх Алексий и Священный Синод постановили: “переместить Преосвященного Астраханского Леонида на свободную Пензенскую кафедру, разрешив ему вступить в управление епархией по окончательном его выздоровлении”.²⁷⁷

Так что к моменту назначения в Пензу за плечами 57-летнего епископа Леонида был не только большой стаж служения Богу, но и жизненный опыт, удесятенный годами войны, но вот опыта управления епархией у него практически не было – всего лишь чуть более полугода, да и то, по причине болезни, неполноценных. Теперь ему предстояло в течение шести лет возглавлять Пензенскую кафедру, причем в тяжелое переломное – в отношениях между государством и Церковью – время.

Вскоре после смерти Сталина, последовавшей 3 марта 1953 года, среди его бывшего окружения развернулся очередной виток внутривластной борьбы. Он коснулся и вопроса дальнейшего взаимоотношения с Церковью. Возглавивший Центральный Комитет Коммунистической партии Н. С. Хрущев, несмотря на предостережения о возможных нежелательных последствиях, встал на путь разоблачения “реакционной сущности и вреда религии”. 7 июля 1954 года последовало постановление ЦК КПСС “О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах по ее улучшению”, к которому снова приложил руку будущий главный идеолог Коммунистической партии М. А. Суслов.

Церковь вновь приготовилась надеть на себя мученический венец. У населения страны, перед опасностью снова остаться без храмов и священников, резко пробудилось религиозное сознание, выразившееся в массовом крещении детей, росте совершенных церковных обрядов, скупке предметов религиозного культа. Бывшие члены “сталинской гвардии” Маленков, Ворошилов, Молотов – сторонники ранее проводимой политики интегрирования Церкви в государственный организм – стали склонять

чашу весов в Президиуме ЦК к более терпимому отношению к Церкви, пугая осложнениями не только внутри страны, но и, главным образом, за рубежом, где рассчитывали и в дальнейшем использовать Церковь в государственных интересах, и в первую очередь в миротворческих акциях. 10 ноября 1954 года вышло постановление ЦК КПСС “Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения”, по некоторым вопросам совершенно противоположное прежнему, июльскому, постановлению. Дальнейшую нормализацию отношений между Церковью и государством следовало ожидать после встречи 11 декабря 1954 года Патриарха Алексия с председателем Совета Министров СССР Маленковым, который, однако, был вскоре удален со своего поста. И хотя все достигнутые договоренности так и остались невыполненными, однако новому председателю Совета Министров Н. А. Булганину пришлось – таки пойти на некоторые уступки. В частности, 17 февраля 1955 года было принято постановление Совета Министров СССР “Об изменении порядка открытия молитвенных зданий”, которое давало право легализовать незарегистрированные, но фактически действующие церковные общины. Право решения об открытии новых храмов было передано из Совета Министров СССР в союзные республики. Все это привело к появлению новых действующих храмов в стране. Миротворческая деятельность Русской Православной Церкви также побуждала к дальнейшим уступкам со стороны правительства, поскольку выход Церкви на внешнеполитическую орбиту требовал и дополнительных ассигнований на эти цели, и взаимобмена делегациями. В ответ Церковь должна была демонстрировать еще большую лояльность по отношению к государственным действиям на внешнеполитической арене. Правда, ожидаемой “искренности” по поводу венгерских событий 1956 года не последовало, и это могло привести к новым осложнениям, но положение исправил успешное проведение в Москве в июле – августе 1957 года VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов, в подготовке которого активное участие приняла Московская Патриархия, чем было продемонстрировано и засвидетельствовано перед иностранными гостями существование в СССР нормальных взаимоотношений Церкви и государства.

Осуждение “культы личности” на XX съезде КПСС, развенчание сталинизма, привело к массовой реабилитации репрессированных, в том числе и священнослужителей. Однако наметившаяся демократизация общества, получившая название “хрущевской оттепели”, для Церкви вскоре обернулась совершенно противоположному. В обещанное Хрущевым построение коммунистического общества в нашей стране религиозное сознание никак не вписывалось. Надуманные идеологические схемы не принимали в себя богоустановленные принципы христианской морали, разве что только на бумаге – в виде идеальных черт человека коммунистического будущего. Победа Хрущева на июньском пленуме 1957 года над

сталинистами вскоре обернулась и новыми гонениями на Церковь, достигшую к этому времени своих наивысших успехов за все послевоенное время.²⁷⁸

Новый архиерей прибыл в Пензу 23 февраля 1954 года, в самый разгар начавшейся в высших эшелонах государственной власти борьбы. Вскоре он ощутит все ее перипетии, выливающиеся в принятие непоследовательных, на первый взгляд, решений, заставляющих верующих то воспрянуть духом, то ожидать самого худшего. Но пока, на следующий же день по приезду, епископ Леонид наносит визит уполномоченному Совету по делам Русской Православной Церкви и сообщает ему, что на 25 февраля намечена его первая служба, на которую он для знакомства пригласил благочинных и всех священников из ближайших приходов. Хотя в обязанности уполномоченного и входила задача стараться не допускать таких больших собраний священнослужителей, тем более устраивающих особо торжественные богослужения, но здесь причина была более чем уважительная, да и, как он наверняка думал, не стоило с первых дней создавать натянутые отношения со вновь назначенным Преосвященным. Поселился епископ Леонид в здании епархиального управления, где до того проживал бухгалтер управления священник Родниковский, вынужденный, по такому случаю, купить себе дом.

В архиерейских богослужениях вскоре были замечены новшества – в четверг на Страстной неделе он впервые в епархии ввел обряд омовения ног, названный уполномоченным “интермедией”, в которой участвовали, кроме епископа, четыре пензенских священника, семеро – из двухштатных приходов области и один – из Мордовии. И не только уполномоченный воспринял это новшество как некую театральность. Многие верующие, привыкшие к определенному течению богослужений, отметили, что “священники служили как в театре”, другие просто недоумевали – чем вызваны такие изменения, а какая-то старушка так вообще подумала, что новый архиерей еще не выучил всех священников и по ошибке назвал одного из них Петром.

Вскоре по своем приезде епископ Леонид закрыл так называемое “подворье” в подвальном этаже кафедрального собора, освободив его от жильцов для использования этого помещения под крестильню. Такую попытку делал еще при архиепископе Кирилле в 1952 году настоятель собора протоиерей М. А. Лебедев, оборудовав подвальное помещение иконостасом и солеей для крещения и причащения детей и совершения других обрядов и треб. Но тогда уполномоченному удалось добиться возвращения помещению прежнего его назначения – для проживания служителей культа и под общежитие для духовенства, приезжающего из районов на прием к управляющему епархии. Сейчас же он почему-то не стал этому препятствовать.

Начал архиерей проводить и определенную кадровую политику, вос-

полняя новыми рукоположениями естественную убыль священнослужителей в результате их смерти и выхода за штат по старости (к этому времени в области было 55 священников и 17 диаконов, обслуживающих 30 храмов и 3 молитвенных дома). Причем проявил решительность в наказании провинившихся священнослужителей. Так, например, узнав, что настоятель одного из сельских храмов в далекой молодости оставил после себя побочную дочь, уже выросшую и ставшую певицей, вывел его за штат и посоветовал ему уехать в другую епархию. Весь штат приходской церкви с. Вадинска (двух священников и диакона) он разослал по разным приходам за то, что они, якобы по незнанию, умудрились окрестить сына председателя Рахмановского сельсовета, из-за чего, естественно, поднялся большой скандал, поскольку коммунисты за это строго карались вплоть до снятия их с работы и исключения из партии. Тем более, что совсем незадолго до того в Вадинске уже был такой прецедент, – когда исключили из партии преподавателя языка и литературы Н. А. Гуторова за то, что он похоронил свою мать (наверняка верующую) по церковному обряду, а не зарыл ее просто в землю.²⁷⁹

9 августа 1954 года состоялось заседание бюро Пензенского обкома КПСС, которое “приняло к руководству и неуклонному исполнению” постановление ЦК КПСС от 7 июля того же года “О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения”. Бюро постановило: “Надо решительно покончить с пассивностью в отношении религии, разоблачать реакционную сущность религии и тот вред, который она приносит, отвлекая часть граждан от сознательного и активного участия в коммунистическом строительстве. Антирелигиозная работа должна проводиться систематически, со всей настойчивостью, методом убеждения, терпеливого разъяснения и индивидуального подхода к верующим людям. В основу этой работы должна быть положена широкая пропаганда естественно-научных знаний, популярное разъяснение с научных позиций вопросов о строении вселенной и закономерностях явлений природы, о происхождении жизни и человека на земле и т. д.”²⁸⁰ То есть стратегическая линия – активизация антирелигиозной борьбы – была намечена. Что же касается формулировок о гибком подходе в этом вопросе, то этим качеством – гибкостью – партия никогда и не отличалась, а все ее реверансы, в лучшем случае, оставались только на бумаге. Поэтому июльское постановление ЦК КПСС сразу же было воспринято как призыв к наступлению на Церковь. Однако, как уже отмечалось, 10 ноября 1954 года последовал откат назад – в виде нового постановления ЦК КПСС “Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения”. Срочно требовалось публично “загладить” ошибки, допущенные при выполнении прежнего постановления. Для ЦК КПСС Пензенским обкомом партии срочно была подготовлена “Информация об отзывах населения...” на ноябрьское постановление, для которой как нельзя лучше пригодился такой пример “перегибов на местах”: “Препо-

даватель Пензенского музыкального училища т. Грачев Н. С. в беседе с другими преподавателями заявил: “По Конституции я имею право пойти в церковь. Но если я это сделаю, меня уволят с работы. Как это понимать? Я считаю неправильным, когда несколько лет назад по указанию обкома и горкома партии была отчислена из училища ученица Крашенинникова только за то, что пела в церковном хоре”²⁸¹. Будь эти слова сказаны чуть пораньше, они бы пригодились совсем для другого случая.

Так что первая атака на Церковь захлебнулась, и жизнь в ней продолжала течь своим руслом. Епископ Леонид, предчувствуя временность передышки, обратил внимание всех настоятелей на необходимость срочно начинать ремонт и благоустройство своих церквей. Проще всего это было сделать в пензенских церквях, располагавших необходимыми для этого средствами. И уже к Пасхе следующего года были поновлены алтари и иконостасы Успенского собора и переоборудована архиерейская кафедра. Весь ремонт собора обошелся в 326 400 рублей. Состав духовенства в соборе был епископом тщательно подобран – и по внешности, и по голосовым данным. Свои архиерейские службы Преосвященный проводил с большой торжественностью, для усиления которой он велел облачаться духовенству в одинаковые ризы. Часто менял и свои, архиерейские, облачения. И как писал в своем отчете уполномоченный, “все это вместе взятое наркотически действует на психику верующих, поэтому посещаемость церковных служб бывает большая”. В 1955 году была отремонтирована и Митрофановская церковь, на что ушло 93 000 рублей, и в ней также был поновлен иконостас, в котором большинство икон было написано заново. Настоятель Успенского собора М. А. Лебедев с согласия общины этого храма передал старый соборный иконостас во вновь отремонтированную мокшанскую Михайло-Архангельскую церковь, что несомненно способствовало привлечению в нее сельчан и поднятию их религиозности.

30 мая 1955 года скончался очень любимый прихожанами священник с. Плетневки А. М. Уваров. Этот приход был весьма малочисленным и содержать его было чрезвычайно трудно. Село насчитывало лишь 22 двора, и верующие в основном приходили в церковь из окрестных сел. Насколько же им было приятно, придя за много километров, услышать от настоятеля доброе слово, поздравление с праздником, – вроде бы ничего особенного, но как этого не хватало тем священнослужителям, кто был прежде всего озабочен улучшением своего материального положения. В особенности, живущим в сельской местности, где батюшка просто обязан знать каждого, уметь найти к каждому подход и войти в его нужды, быть для

своих односельчан отцом на деле, а не просто по названию, употребляемому применительно к священнику. Уварова же прихожане и любили, и ценили, поскольку, как они говорили, “он был вообще “духовой” человек, с каждым находил, о чем поговорить”. Прошло много лет с тех пор, а проблема эта все так же злободневна.

В конце июня 1955 года епископ Леонид снова, как и в предыдущий год, выехал на лечение в Москву и долго отсутствовал, что было болезненно воспринято духовенством, поскольку лишало епархию необходимого руководства в это непростое время. Руководство партии и государства собственными противоречивыми решениями то и дело убеждало в своей лживости и вселяло неуверенность в завтрашнем дне. Еще совсем недавно, 21 ноября 1955 года, выступая в индийском парламенте, Хрущев заявлял следующее: “Вопрос об идеях, об убеждениях – это личный вопрос каждого человека. В СССР совместно и дружно работают на благо народа и коммунисты и беспартийные, и атеисты и верующие. Свобода отправления религиозных культов признается за всеми гражданами. Свобода совести и вероисповедания не только провозглашаются, но и строго обеспечиваются государством, как конституционное право граждан СССР”²⁸². Многие в очередной раз хотели поверить этим декларациям, хотя у всех на памяти еще были свежи воспоминания о том, как попиралось это самое конституционное право в 30-х годах. Да и истинную цену загнанной в прокрустово ложе свободы совести верующие и духовенство хорошо уже прочувствовали на себе, постоянно испытывая мощный пресс создаваемого вокруг них общественного мнения. Религиозные люди постоянно убеждались в безрезультатности собственных усилий обрести право на вероисповедание в церкви именно своего села, а не за 10–20 и более километров, как предлагали им власть имущие.

При всей неразберихе подводных течений, которые создавались вокруг вопроса о дальнейших взаимоотношениях между Церковью и государством, активизировалась переподготовка уполномоченных Совета по делам РПЦ. В мае 1957 года прошли инструктивные совещания уполномоченных – 7 мая в Киеве и 22 мая в Москве, где были сформулированы основные задачи Совета на текущий период, выраженные в обобщенной форме следующим образом: “Мы свою работу, как в центре, так и на местах, должны строить и вести так, чтобы своими действиями не способствовать ухудшению отношений между Церковью и государством, не давать оснований к нарушению законности, не оскорблять религиозных чувств верующих и в то же время специально не способствовать росту церковного влияния в стране, бороться (а еще лучше – предупреждать) со всякого рода незаконными притязаниями церковников и духовенства, разоблачать провокационные и другие действия отдельных лиц, заинтересованных в распространении суеверия в корыстных целях и ин-

формировать центральные директивные инстанции”. В своем докладе руководство Совета четко определило свою прежнюю стратегию в осуществлении связи между Церковью и государством, с удовлетворением отметив, что “одной из положительных сторон в работе Совета является то, что... он по всем вопросам единодушно и твердо придерживался принципиальных установок, то есть, сдерживая внутри страны активизацию Церкви, например, в главном вопросе – в вопросе об открытии церквей, их строительстве, в вопросе работы духовных учреждений, журнала и т. д., Совет во внешней работе – поощряет практику Церкви по установлению контактов (т. е. ее миротворческую внешнеполитическую деятельность. – А. Д.)”²⁸³.

В 1957 году в Пензенской области произошло с виду неприметное событие, которое коренным образом повлияло на весь дальнейший ход религиозной жизни в Пензенской епархии. На должность уполномоченного Совета по делам РПЦ был назначен Семен Степанович Попов, принявший дела 19 июня 1957 года. Неизвестно, насколько, даже учитывая начавшуюся вскоре против Церкви настоящую войну, ухудшились бы ее позиции в Пензенской области, останься на своем посту прежний уполномоченный Лысманкин. По своим способностям он был для Совета по делам РПЦ не больше чем информатор, который в своих отчетах лишь констатировал положение дел в религиозной жизни области. Не анализировать как следует, не тем более предвосхищать ход событий, проявляя собственную инициативу, он не умел. Не удивительно, что многие его отчеты вызывали справедливые нарекания Совета. Так, например, пытаясь охарактеризовать состояние религиозной обстановки в с. Усть-Вазерках Бессоновского района и с. Николо-Пестровке Иссинского района, он по поводу первого прихода сообщает, что “если религиозное движение за два года не дало значительного снижения, то, во всяком случае, и стабилизация его может служить фактом о начавшемся спаде религиозности”, а в отношении второго прихода пишет следующее: “Из этого сообщения, конечно, нельзя сделать вывода, что община верующих близка к своей гибели, так как служители культа принимают меры к ее укреплению, а материально им помогает в этом наиболее отсталая часть нашего общества, в особенности женщины”. Ну, действительно, как тут не согласиться с руководством Совета, пришедшим в негодование от такой его “лирики”: “О какой близкой гибели этой общины можно говорить, когда в докладе Вы сообщаете, что эту сельскую церковь в воскресные дни посещает до 50 чел. верующих, а в большие церковные праздники – до 300–350 человек?!”²⁸⁴.

Новый уполномоченный резко отличался от прежнего: отчеты его

увеличиваются до 16–20 страниц, в них группируются вопросы по основным, представляющим особый интерес, направлениям; дается всеобъемлющий сравнительный анализ, четко рисуемый состояние религиозной жизни в области во всех ее проявлениях; в его работе видна не просто исполнительность и высокая ответственность, вытекающие из понимания им важности своего места в идеологической борьбе с религиозными проявлениями, но и инициатива, которая выразилась в новом даже для самого Совета по делам Русской Православной Церкви качестве – разработке планов работы на предстоящий год. Тем самым, С. С. Попов не просто следил за ходом событий, а крепко брал его в свои руки, чтобы направить в нужное русло (что, кстати сказать, ему, как правило, и удавалось сделать). Четко налажилось взаимодействие уполномоченного с советскими и партийными органами, как на местах, так и в областном центре, которые он систематически информировал по всем важным вопросам. Требуемый неукоснительного исполнения духовенством советского законодательства о религиозных культах, он нередко ставил себя над ним, выдвигая инициативы, не только превышающие его собственные полномочия, но и не вписывающиеся в регламентируемые законом порядки, тем самым провоцируя последующее их нарушение. В какой-то мере становится понятно и значение посылаемых им в Совет планов: заручиться поддержкой на осуществление предлагаемых им мероприятий. Но даже Совет в своей работе более опирался на законность, чем его уполномоченный, и был вынужден отклонять некоторые, слишком уж незаконные на тот момент притязания своего подчиненного. При всем том, свои хищные устремления по отношению к Церкви новый уполномоченный мог умело маскировать под внешне ровным и мягким обращением, и, я бы даже сказал, определенным личным обаянием, вызывающими у собеседника доверие и откровенность, которые могли быть затем использованы, и использовались, во вред духовенству и Церкви. Поистине это был волк в овечьей шкуре. Не просто идеологический противник, а настоящий враг – умный, хитрый, опасный.

Вот с кем предстояло вступить в схватку епископу Леониду. Борьба обещала быть тяжелой, но она не состоялась. Бывший фронтовик, почувствовав на себе сразу же мертвую хватку противника, приготовился не к бою, а к долгой обороне, в которой, как показали дальнейшие события, ему пришлось терять одну позицию за другой, жертвуя лучшими своими защитниками, пока не оказалось, что он находится уже даже не в окружении, а в оккупации, где правила жизни диктует враг.

Нового уполномоченного по его выходу на работу ожидали уже директивные документы Совета по делам РПЦ: обстоятельная (на 54 страницах) “Справка о церкви в СССР” – инструкция уполномоченным для разговора их с иностранцами, в случае обращения последних за разъяснениями о положении Церкви в Советском Союзе, а также информационно-инструктивный доклад, прочитанный руководством Совета на прошедших в мае 1957 года совещаниях уполномоченных,

выдержки из которого мы уже приводили. И хотя в них не было еще призывов активизировать антирелигиозную деятельность, но ведь нужно было уметь читать и между строк, то есть отсекал лишнее и оставлял главное как руководство к действию. Сделаем и мы такую несложную операцию. Что же тогда останется из вышесказанных слов? А останется следующее: “не способствовать росту церковного влияния в стране, бороться со всякого рода незаконными притязаниями церковников и духовенства (а еще лучше – предупреждать их)”, для чего необходимо было прежде всего доказать, что вообще любые действия верующих и духовенства на пользу Церкви незаконны. Но вначале нужно было познакомиться с епископом, с духовенством, узнать их настроения, состояние религиозности населения, посетить действующие церкви. В общем, провести рекогносцировку.

Первое, что бросилось в глаза при посещении храмов, это то, что все они ремонтировались и украшались, что доходы церквей и духовенства стабильно росли, посещаемость оставалась высокой, в особенности в праздники. Так, на Рождество 1958 года общее число верующих, посетивших за два праздничных дня обе пензенские церкви, составило 10–11 тысяч человек. Правда, за это время в соборе прошло девять служб: четыре – накануне праздника и пять – в сам праздник Рождества Христова, то есть заутреня, три обедни и вечерня. Но, к примеру, на Казанскую, 4 но-ября 1957 года, в соборе побывало тоже немало – три с половиной тысячи молящихся.²⁸⁵

Из 33-х действующих церквей в 29-ти из них наблюдался рост доходов. По сравнению с 1956 годом он составил 843 тыс. рублей, общий же объем доходов по всем церквям – 6 млн. 213 тыс. руб. В соборе, естественно, был самый большой доход – 1 млн. 492, 5 тыс. руб. Самый маленький – в церкви с. Юлово Мокшанского района, только 21, 5 тыс. руб. Более 100 тыс. руб. в год дохода имели 19 церквей, а 8 из них – за 200 тыс. руб. Из чего же он складывался? Главным образом, от продажи свечей (3 млн. 318 тыс. руб.) и просфор (1 млн. 23 тыс. руб.) – 69, 5 % всех поступлений. Пожертвования верующих составляли 729 400 руб., другие источники – 989 000 руб., и лишь 153 600 рублей (менее 2, 5 %) получалось от требоисполнения. Ну а какие были расходы, за исключением заработной платы служащим? Главные – это на ремонт церквей и на содержание хоров (в 1958 году они имелись почти в половине церквей).

В 1956–1957 годах ремонтировались все 33 молитвенных здания, на что было затрачено 1 млн. 304 тыс. рублей, из них по кафедральному собору – 166 тыс. руб., Митрофановской церкви – 61, 4 тыс. руб. За устройство парового отопления и окраску куполов в храме г. Сердобска было затрачено 65, 2 тыс. руб., на реставрацию икон в Беднодемьяновске – 55, 1 тыс. руб., на раскраску стен церкви в с. Козлятском Нижнеломовского района – 70 тыс. руб. В 1956 году была капитально отремонти-

рована Казанская церковь в Кузнецке, вокруг другой, Параскевинской, построили каменную ограду. Продолжался ремонт церквей и в 1958 году. На реставрацию настенной живописи Успенского собора было затрачено 479 тыс. руб. Даже на небольшую и довольно новую (построена в 1928 году) деревянную церковь в с. Русской Норке Шемышейского района ушло 75 тыс. руб., в основном – за обшивку наружных стен, на что понадобилось 40 кубометров пиломатериала. Тогда же настоятель церкви просил разрешения построить рядом деревянную колокольню, но ему было в этом отказано. В 1958 году на ремонт всех церквей было затрачено еще больше средств – 1 млн. 496 тыс. руб., в 1959 году – 720 тысяч. Естественное стремление духовенства и прихожан украсить дом Божий расценивалось уполномоченным однозначно: “Все эти затраты в большинстве случаев производятся с одной лишь целью – сделать церкви и проводимые в них церковные службы привлекательными для населения... Духовенство и служители церкви в последнее время стремятся увеличить число верующих, для чего приводят церкви в порядок, усиленно занимаются их ремонтом, создают в них благолепие, чистоту, организуют хоры, торжественные службы, усиленно занимаются проповедничеством религиозного учения”.

Особенно пристальное внимание уполномоченный уделял епископу Леониду, о котором отмечалось, что он “часто совершает церковные службы в пензенских церквях. Во все чтимые верующими праздники в церковных службах участвует Леонид. По заявлению настоятеля кафедрального собора священника Лебедева М. А., епископ Леонид за 1957 год совершил только в кафедральном соборе более 60 торжественных церковных служб. Например, во время Рождества епископ Леонид совершил в кафедральном соборе четыре торжественные церковные службы: 6 января – всеночную, 7 января, в 3 часа ночи, – заутреню, затем в 5 часов утра – раннюю обедню и в 5 часов вечера – вечерню. На второй день Рождества служил вечерню в Митрофановской церкви”. Более подробная информация о деятельности епископа содержалась в соответствующем разделе отчетного доклада уполномоченного. Для характеристики Преосвященного небезынтересно привести некоторые выдержки оттуда. “В ходе бесед во время приема епископа Леонида (а он был у уполномоченного за полгода шесть раз. – А. Д.) и наблюдения за его деятельностью складывается впечатление, что он в своей деятельности старается не осложнять своих отношений с органами государственной власти. В этом отношении приведу характерные его высказывания в беседах со мной во время приема. В одной из бесед, касаясь деятельности церкви, епископ Леонид говорил: “Я-то понимаю, что сейчас условия для церкви не те, что были, когда мы – старики – были молодыми. Тогда веровали все. Сейчас – другое дело. Сейчас многие не веруют, и отношение к церкви у населения разное. Вот, говорят, что в церковь многие ходят... Но ведь молодежи-то верующей почти нет. Я не считаю верующими

ту молодежь, которые придут в церковь на большой праздник, “просвистят”, как говорится, и уйдут. Это уже не верующие. Настоящих верующих стало мало. Поэтому я не одобряю тех священников, которые стремятся все расширяться, вывешивать колокола, чтобы, знаете ли, звону больше было и шуму. Зачем это? Я всегда говорю им – не надо этого делать, и вести себя скромнее. Но на меня обижаются и говорят, что, мол, вот, епископ сам против церкви, он вроде де, мол, их, то есть ваш. Эти люди просто не понимают обстановки, и мне бывает трудно им разъяснить, чтобы они это поняли”.

Да, горькие, но справедливые упреки по отношению к духу времени. Тяжело было, не видя притока верующей молодежи в церковь, не задаваться вопросом – старики умрут, а что дальше? Чувствуется в епископе какая-то надломленность от грядущей безысходности. Оно и понятно. Разве же он не видел, что созданные для существования Церкви условия обрекают ее на постепенное вымирание, несмотря на кажущееся укрепление ее позиций в виде роста дохода церковью и довольно высокой их посещаемости? Ведь если за 10 лет, несмотря на многочисленные просьбы населения области, так и не было открыто ни одного храма, о чем это могло говорить, как не о жесткой линии государства в этом вопросе, свидетельствующей лишь об одном, – что сложившееся вроде бы равновесие во взаимоотношениях с государством не более чем фикция и в любую минуту может обернуться катастрофой для Церкви. Тотальная психологическая обработка молодого поколения в атеистическом духе делала свое черное дело – среди посещающих храмы уже практически не было юношей; девушки, правда, еще бывали на исповеди и причащались, в особенности перед отъездом из родных мест, словно предчувствуя, что город ли, целина ли им уже не дадут возможности очистить свою душу, и хотели еще раз приникнуть к живительному источнику и сделать из него последний глоток, словно запастись им на всю оставшуюся жизнь – “во оставление грехов и в жизнь вечную, во освящение и просвещение, крепость, исцеление и здравие души же и тела, и в потребление и всесовершенное погубление лукавых помыслов и помышлений”.

Может быть, и стал сдавать епископ Леонид без боя одну позицию за другой, чтобы при таких, обуревавших его пессимистических мыслях уберечь себя от полной духовной капитуляции? Еще при бывшем уполномоченном Лысманкине на замечание того по поводу частых посещений им своих приходов, Владыка не стал доказывать их законность и необходимость, а просто перестал вообще бывать в районах Пензенской области, но зато часто начал выезжать в другую половину своей епархии – Мордовскую республику, уполномоченный который при таких “набегах” Преосвященного просто не в состоянии был вмешаться в процесс окормления епископом своей паствы.

Действительно ли постоянные и долгие поездки архиерея в Москву соверша-

лись им для поправления своего здоровья или же это был своего рода маневр, попытка избежать схватки, – ведь понятно, что бой может состояться только при наличии обеих сторон. Конечно, духовенству этого не объяснишь, и вполне понятно недоумение священнослужителей по поводу самоустранения архиерея от управления епархией. Но давайте внимательно прочитаем в то, что писал в своем отчете С. С. Попов: “Секретарь епархиального совета священник Шуватов И. А. (секретарь совсем новый, т. к. Лебедев благодаря уполномоченному был снят со своего поста, о чем речь пойдет ниже. – А. Д.) жаловался, что ему тяжело работать, когда отсутствует епископ, т. к. многие к нему обращаются, а он решать вопросы сам без епископа не может. В то же время чинить препятствия к длительным отлучкам епископа Леонида с нашей стороны, по-видимому, не следует. Так как чем меньше он укрепляет и передвигает кадры духовенства, меньше бывает торжественных служб в церквях, медленнее решаются различные запросы настоятелей церкви. Взаимоотношения с епископом Леонидом нормальные. На все вопросы, которые перед ним выдвигаются, он реагировал и принимал соответствующие меры”. Так, может, не только секретарю епархиального совета было трудно решать свои вопросы без архиерея, но и уполномоченному? А тогда это уже была определенная тактика со стороны епископа Леонида. Другое дело – насколько она оказалась верной.

Заявления с просьбой об открытии в области церковью все продолжали поступать. Так, например, в июне 1957 года пришло ходатайство от жителей из с. Чумаево Камешкирского района, которые начали хлопотать об открытии в их селе церкви еще с апреля 1948 года. Инициатор нового заявления И. С. Жбанов при этом говорил: “Нам непонятно, по каким причинам нам отказывают открыть церковь. Здание церкви у нас имеется, сейчас оно занято зерном. Церковью у нас в районе нет (ближайшая действующая была в Нижнем Аблязово, в 45–50 км. – А. Д.), а верующие есть, которые хотят молиться. Мы думаем, что, не открывая нам церкви, хотят добиться, чтобы мы забыли свою веру”. Ну, конечно же, именно этого и добивалась советская власть, – чтобы люди совсем перестали помнить, кто они такие. Для достижения мифического коммунистического рая на земле не нужны были люди, которые понимали, что грешному человеку такое не под силу и что создать царство добра и справедливости возможно лишь одному Богу. Так что и это ходатайство, как и все прочие до него, было отклонено облисполкомом, и снова без объяснения причин.

15 июня 1957 года поступило заявление из Малой Сердобы, жители которой, узнав о решении местного райисполкома разобрать занятую зерном церковь как аварийную, воспротивились этому и обратились с

ходатайством о ее открытии. Хотя Пензенский облисполком и отклонил просьбу жителей села, но 1 июля вынужден был дать председателю Малосердобинского райисполкома следующую инструкцию: “Поскольку решение райисполкома о разборе церкви в селе Малая Сердоба из-за недостаточности разъяснительной работы среди населения привело к значительной активизации верующих за открытие церкви, проводить в этих условиях разбор здания церкви было бы нецелесообразным, т. к. это могло бы вызвать еще большую активность верующих по созданию церковной общины. В связи с изложенным облисполком рекомендует приостановить исполнение решения в части разборки здания церкви в с. Малая Сердоба и вопрос о ее разборе отложить на более позднее время. Здание церкви следует, как и прежде, использовать под склад заготзерно”. Кроме этого случая активизации верующих, подобное произошло и в Саловке Городищенского района, где снос церкви, как якобы аварийной, облисполком санкционировал по настоятельной просьбе райисполкома. Летом 1958 года, когда было уже решено приступить к разборке этой церкви, вокруг нее собралось несколько десятков местных жителей, которые помешали местным властям осуществить задуманное. Пришлось и на этот раз облисполкому отложить это мероприятие до другого раза.

Кстати сказать, Совет по делам РПЦ не раз предупреждал, что слом церковей может активизировать верующих на возбуждение ходатайств об открытии церковей и подачу жалоб на незаконные действия местных властей (№ 626/с от 23.08.54 г., № 102/с от 31.01.56 г.²⁸⁶). И самый большой поток жалоб как раз хлынул из Пензенской епархии, правда, из мордовской ее части, то есть из Мордовской АССР, которая, хотя и относилась к нашей епархии, но имела своего уполномоченного – Денисова, по предложению которого республиканский Совет Министров вынес решение о сносе сразу 29 храмов. Акты их технического состояния, признающие аварийность церковей, оказались “липовыми”, часть из них составил сам уполномоченный. Наш облисполком оказался все же осторожнее и разрешил сломать только 5 церковей, и то, как мы уже знаем, две из них впоследствии временно запретил сносить.

За второе полугодие 1957 года всего поступило 10 заявлений об открытии храмов, за первую половину 1958 года – еще 11, причем от граждан сел Даниловского района – об открытии церкви в с. Синодское – за более чем тысячью подписей. Рабочие совхоза “Серп и молот” Каменского района организовали ходатайство об открытии ближайшей к ним церкви в с. Матвеевке Нечаевского района. Отклонив и эти заявления, облисполком обязал соответствующие райисполкомы обратить внимание на образование в их районах групп верующих и предложил усилить научно-атеистическую и массово-разъяснительную работу. Удиви-

тельна все-таки в народе вера в справедливость: только из одного села Евлашево Кузнецкого района за два года поступило 18 ходатайств об открытии в их селе церкви! Но позиция облисполкома оставалась все такой же непреклонной.

Большое значение для ослабления позиций Церкви играло удаление наиболее авторитетных священнослужителей из своих приходов, чем и пришлось вплотную заняться С. С. Попову. Но прежде дадим, со слов уполномоченного, общую характеристику пензенскому духовенству: “Духовенство по своему составу является довольно “разношерстным”, как по своему образованию, возрасту, поведению, социальному прошлому и своим убеждениям. Основной состав духовенства церкви, как уже указывалось, состоит из лиц пожилого и преклонного возраста, служивших в церкви до 1945 года. Многие из них судились за антисоветские проявления (почти половина. – А. Д.). После отбытия наказания работали в различных гражданских учреждениях, а затем после 1945 года возвратились для службы в церкви. Примерно одна треть состава духовенства составляют лица, заново вступившие на службу в церковь после 1945 года, которые в большинстве своем ранее являлись церковными служащими. Из числа окончивших духовную семинарию после 1945 года в области служат всего два священника (Макашов и Фоминых). Среди духовенства имеются лица, которые одели рясу не ради Бога, в которого они и сами не верят, а ради наживы и шкурных интересов”²⁸⁷. Но, само собой разумеется, не эти, последние, священнослужители привлекали внимание уполномоченного, а наиболее авторитетные – секретарь епархиального управления, благочинные, особо уважаемые настоятели церквей. Их-то и надо было в первую очередь убрать подальше. Но для этого нужен был повод, хотя бы и надуманный.

Для настоятеля храма в районном центре с. Салтыково священника И. В. Сазонова он вскоре нашелся. Настоятель салтыковской церкви смог установить хорошие, или, как их квалифицировал уполномоченный, – “панибратские”, отношения не только с местными жителями, но и с руководством и с помощью их приобрел для ремонта своей церкви 600 кг кровельного железа и полторы тонны цемента. Тем самым была нарушена установка – строго лимитировать отпуск строительных материалов в церкви, чтобы они своим внешним видом не привлекали к себе жителей. Естественно, что, как водится у нас на Руси, дело это “обмыли”, и все стороны остались очень довольны друг другом. Однако наказание не заставило себя долго ждать. Узнав о “дружеских” отношениях с идеологическим врагом, Салтыковский райком партии снял с работы председателя сельсовета Герасева, завторгом Преснякова, директора заготконторы райпотребсоюза Щетинина и наложил на них партийное взыскание. А священника Сазонова, по настоянию уполномоченного, епископ Леонид

перевел в другой приход. Для прихожан это была настоящая трагедия. “Вот нет его в нашей церкви, – говорили они, – и дело идет не так. Не только певчие расходятся, но и народ, мало кто посещает церковь, и порядки не те, и все труды его теперь пойдут на самотек. Сколько доброго, неоценимого сделал отец Иван для церкви, для бедных беспризорников, которые, провожая его, ревели все в голос. Стояла большая толпа у поезда. Как все жалели отца Ивана – за его привет и уют всех несчастных. Ведь не осталось ни одной пары в нашем районе, которые не обвенчались. Всех он обвенчал, и старых, и молодых, даже до семидесяти годов все равно венчал. С молодых брала церковь, а со старых, особенно бедных, – бесплатно венчал. Также всех окрестил. В церкви никогда не было такого прихода, как за его годы службы. Каждую обедню и вечерню народ шел и шел, и он всех встречал добрым словом. Просим вернуть нашего умного, отзывчивого желанника, службистого, боговерующего... отца Ивана, и опять люди пойдут тучей в нашу церковь красивую, разукрашенную его заботой и работой”. Это из прошения верующих к уполномоченному, подписанного более чем пятью тысячами жителей с. Салтыково и окрестных сел на 13 ученических тетрадках.²⁸⁸

Нашли у кого просить, знали бы они, кто все это устроил и что он напишет в своем отчете по этому поводу: “Приведенная цитата из прошения верующих наглядно показывает, насколько усердно потрудился этот религиозный фанатик в укреплении церкви и суеверий в массах”.

Самым, пожалуй, влиятельным среди духовенства лицом был секретарь епархиального управления настоятель Успенского кафедрального собора протоиерей Михаил Анатольевич Лебедев. Вообще-то говоря, епископ Леонид мог спокойно оставлять епархию на своего помощника, у которого вполне хватало для этого и опыта и авторитета. Что же касается финансовой стороны, то церкви сами распоряжались своими средствами, и, имея указание архиерея производить ремонт, настоятели этим и занимались без дополнительного понукания. В случае же настойчивых притязаний уполномоченного, всегда можно было сослаться на отсутствие епископа. Так что подобная тактика противостояния уполномоченному была не такой уж, на первый взгляд, и плохой.

Именно Лебедев, зарекомендовавший себя к тому же “религиозным фанатиком”, был для уполномоченного главным врагом. История удаления его из Пензы заслуживает особого разговора. Поэтому предоставим слово самому С. С. Попову: “Особо значительная посещаемость наблюдается в Мироносицкой [церкви] (кафедральный собор) в гор. Пензе. Значительную роль в укреплении влияния этой церкви сыграл бывший настоятель, он же секретарь епархиального управления, священник Лебедев М. А., который служит настоятелем 10 лет. Будучи ревностным при-

верженцем религии, Лебедев часто организовывал торжественные церковные службы, систематически выступал с проповедями перед верующими, и вокруг него группировались его поклонники. Лебедев способствовал укреплению влияния церковью в городах и районах области. В беседах Лебедев вел себя неискренне (еще бы, ведь знал, с кем имеет дело. – А. Д.). Возникла необходимость убрать Лебедева из кафедрального собора. В этих целях был использован факт выдачи Лебедевым фиктивных справок двум бывшим служащим церкви в с. Мокшан о том, что они якобы некоторое время работали в кафедральном соборе. В действительности они в соборе не работали и пытались использовать эти фиктивные справки для оформления себе пенсий.

В связи с этим случаем перед епископом Леонидом был поставлен вопрос о замене Лебедева, что им было и исполнено. Лебедев от службы в кафедральном соборе был отстранен и направлен настоятелем в сельский приход. Настоятелем кафедрального собора и секретарем епархиального управления назначен священник Шуватов И. А., который является более объективным человеком и более внимательно прислушивается к нашим советам”²⁸⁹. Подоплека всего случившегося понятна: возникла для уполномоченного и иже с ним необходимость убрать Лебедева, его и убрали.

А теперь передадим слово пострадавшему, который все случившееся с ним подробно описал в объяснительной записке на имя пензенского городского прокурора и в прошении на имя епископа Леонида. Первая из них датирована 17 января 1958 года: “По поводу выдачи мною справки о работе гр. Беляеву Ивану Мануиловичу имею сообщить следующее. Беляев занимал должность церковного старосты в Михайло-Архангельской церкви с. Мокшан с момента ее открытия в 1951 году. Случилось, что Беляев скомпрометировал себя во мнении прихожан храма и, в особенности, во мнении настоятеля священника Лентовского, для которого сделалось очевидным нечестное отношение Беляева к церковным средствам. Ввиду этого, в конце 1956 года Беляев был отстранен от должности церковного старосты. Это произошло как раз в то время, когда в юридическом положении лиц, работающих при церкви, произошло значительное изменение. По постановлению Правительства от мая 1956 года, лица, работающие при церкви, имеют право быть членами профсоюзов, и поскольку они, как члены профсоюза, работают по договору, то в их трудовой стаж при исчислении пенсии будут засчитываться годы их работы при церкви. В конце 1956 года и начале 1957 года по церквям нашей епархии, во исполнение этого закона, между служащими в церкви и церковными советами и стали заключаться трудовые договора, и работа-

ющие при церкви стали вступать в профсоюзы.

Тем досаднее для Беляева было оставить службу при церкви, что он работал в церквях с 1946 года, и Беляев стал добиваться того, чтобы настоятель мокшанской церкви священник Лентовский обратно принял его на службу или, в крайнем случае, заключил с ним договор “задним числом”. Лентовский категорически отказался от того и другого. Беляев тогда обратился ко мне, чтобы я как секретарь епархиального правления повлиял на священника Лентовского, в том смысле, чтобы тот принял Беляева обратно. Предвидя, какие отрицательные явления возникнут в жизни прихода мокшанской церкви в случае возвращения Беляева на службу туда, я также категорически отказался выполнить просьбу Беляева.

Тогда Беляев стал искать других путей. Он обратился с жалобой на меня и на священника Лентовского к уполномоченному Попову С. С. Тот официальным отношением просил меня разобраться по существу просьбу Беляева и выдать ему справку о работе в мокшанской церкви. Я выдал справку Беляеву о его работе в мокшанских церквях с 1946 года по 1956 год, но это Беляева не устраивало: для того, чтобы получить право на пенсию, нужно непременно заключить договор, а для того, чтобы заключить договор, нужно поступить на работу в какую-либо церковь. Беляев обратился с жалобой на меня и на священника Лентовского в обком союза работников коммунального хозяйства в г. Пензе. В течение лета и осени 1957 года Беляев много раз приезжал в г. Пензу и при всяком приезде заходил в обком союза. Тогда оттуда начинали позванивать мне о том, чтобы мы вернули Беляева на работу в мокшанской церкви и заключили с ним договор. Мои доводы о том, что Беляев не может быть возвращен на работу в Мокшане, казались им неубедительными: для профсоюзных работников порядки приходской жизни были непонятны. Наоборот, при каждом телефонном разговоре сотрудники обкома обвиняли меня в антигуманности и даже жестокости по отношению к 80-летнему старику.

Наконец, уже осенью 1957 года одна из сотрудниц обкома, Гучкина Антонина Ивановна, вероятно, уставши от разговора со мной, сказала: “Ну, наконец, примите его фиктивно на некоторое время”. У меня мелькнула мысль: “В самом деле я могу принять его временно на службу в Успенский собор ночным сторожем, и даже фиктивно”. Тогда я заключил с Беляевым договор о его работе ночным сторожем. Хотя, казалось, этот договор и приближал Беляева к намеченной цели, но по всему было видно, что он оставался недовольным и на работу не являлся.

В конце декабря в епархиальное управление явились настоятель храма священник Лентовский и староста Макарова и сообщили мне, что

Беляев работает в Мокшане, в детском доме. Я был поражен. “Следовательно, – думал я, – Беляев меня обманывал и двурушничал: заключая со мною договор, он уже состоял на работе в Мокшане. Зачем же он меня обманывал? Ведь, казалось, я содействовал ему в деле исходатайствования пенсии. Для такого поступка Беляева у меня оставалось только одно объяснение: он мне мстил, стараясь скомпрометировать меня, мстил за то, что я не посодействовал ему вернуться в мокшанскую церковь, где он получал большие доходы. Исправить положение я уже не мог: справка Беляеву мною выдана была ранее, чем я узнал о том, что он состоит на работе в Мокшане”²⁹⁰. Исключительная честность протоиерея Лебедева не позволяет усомниться ни в одном его слове.

Ну а теперь прошение, адресованное архиерею 28 марта 1958 года: “Ваше Преосвященство! 10 марта на приеме уполномоченный по делам Православной церкви Попов С. С. дал мне понять, что по ряду обстоятельств желательна перемена места моей службы. Я заметил, что не возражал бы против перевода меня на службу к церкви с. Мокшан. Уполномоченный одобрил мою мысль и посоветовал мне подать Вам, Ваше Преосвященство, прошение о переводе меня на служение к церкви с. Мокшан. Следуя этому совету, я и прошу Вас, Владыко, перевести меня для службы на свободное место второго священника к церкви с. Мокшан – места моей родины.

Обстоятельствами, которые имел в виду Попов С. С., являются допущенные мною ошибки, приведшие к тому, что, по словам уполномоченного, около моего имени сложилось нелестное общественное мнение (самый убийственный прием против порядочных людей – дать усомниться кому-то в его порядочности. – А. Д.).

Дело в том, что в декабре 1957 года я, как настоятель, выдал две справки о работе в Успенском соборе двум лицам, в действительности там не работавшим. Этими лицами являются бывший ктитор церкви с. Мокшан Беляев И. М. и бывшая просфорня мокшанской церкви Селезнева. О том, как это случилось, мною подробно описано в объяснении на имя пензенского городского прокурора, переданном помощнику прокурора Зинукову 17 января.

Копию этого объяснения при сем прилагаю. Прошу великодушно простить меня, Ваше Преосвященство и за то, что до сих пор я не сообщил Вам об этом неприятном обстоятельстве. А случилось это потому, что когда 17 января помощник городского прокурора Зинуков в моем присутствии прочел мое объяснение, он ограничился замечанием по моему адресу: “В будущем будьте предусмотрительны”. Наступили крещенские праздники, 28 января Вы отбыли в Москву, и я обо всем забыл.

В течение 51 дня, с 17 января до 10 марта, я не получал каких-либо официальных напоминаний о моем поступке, и вот лишь 10 марта уполномоченный строго напомнил мне, что я совершил поступок, за который я должен бы быть судим (уж за прокурора решил. – А. Д.) и во всяком случае должен понести административное взыскание.

Сообщая обо всем этом, считаю необходимым свидетельствовать перед Вами, Ваше Преосвященство, как перед моим духовным отцом, что в моих действиях по выдаче незаконных справок Беляеву и Селезневой не было никаких корыстных мотивов. Единственное, чем я руководствовался, это было мое сильное желание во что бы то ни стало отвлечь Беляева и Селезневу от домогательств и претензий по отношению к церкви с. Мокшан.

Бывший ктитор Беляев, движимый злобою по отношению к священнику Лентовскому, не гнушался никакими средствами, чтобы отомстить ему, агитируя прихожан против настоятеля и создавая смуту в приходе. Теперь с удовлетворением можно отметить, что путь к домогательствам Беляева и Селезневой к мокшанской церкви отрезан и мир в приходе, по крайней мере с этой стороны, нужно считать обеспеченным, а это и доставляет мне утешение среди неприятных переживаний.

Вашего Преосвященства смиренный послушник протоиерей М. Лебедев”²⁹¹.

Остается заметить, что указ о его переводе в мокшанскую Михайло-Архангельскую церковь состоялся 21 апреля 1958 года.²⁹²

Уполномоченному же удовлетворение доставляло совершенно другое: “установление правильных взаимоотношений с епископом Леонидом позволило через него без каких-либо инцидентов удалить из кафедрального собора и секретаря епархии священника Лебедева, который зарекомендовал себя как религиозный фанатик. Взамен его назначен священник Шуватов, являющийся человеком с более современными взглядами. В настоящее время не представляет трудности получить в епархии информацию по интересующему нас вопросу или более менее объективную характеристику на того или иного служителя культа”²⁹³. К тому времени Церковь еще не обязали в неперменном порядке предоставлять государственным органам все необходимые сведения, и для написания своих отчетов уполномоченным приходилось прибегать к различным ухищрениям, чтобы сохранять видимость невмешательства во внутренние дела Церкви. Поэтому, когда Совет по делам РПЦ ставил перед своими уполномоченными задачу: “Полнее знать материальное положение церкви и духовенства... и подробнее информировать об этом в своих отчетах Со-

вет и местные руководящие органы”, он тут же добавлял: “По наблюдению за материальным положением церкви и духовенства можно использовать все источники, за исключением одного – требовать от церкви отчетов о приходе и расходе денежных средств. Всегда следует помнить, что церковь отделена от государства и что она государственными субсидиями не пользуется”²⁹⁴. Но, как мы видим, пензенский уполномоченный уже свободно хозяйничал в чужом стане, получая доступ ко всей информации о деятельности Пензенской епархии, и в его отчетах наиболее подробнейшим образом характеризуется вся ее финансовая сторона. Однако он пошел еще дальше: “Епископ Леонид по нашему совету продолжал воздерживаться от посвящения им в духовный сан духовенства, если в этом нет особой необходимости. Обычно в таких случаях он ставит в известность уполномоченного и советуется с ним по этому вопросу. Установлен контроль за ремонтами церквей. В дальнейшем епископ будет давать согласие на ремонтные работы в церквях только после разрешения этого ремонта уполномоченным. Ранее вопрос о ремонте церковных зданий решался единолично епископом. Установление контроля за ремонтом церквей даст возможность сократить объем ремонтных работ в церквях или не разрешить вообще ремонт того или иного церковного здания, если в этом нет действительной необходимости. 19 декабря 1958 года епископ Леонид вновь дал письменное указание настоятелям церквей о проведении ими работы против совершения религиозных треб заштатным духовенством”²⁹⁵.

Направляя свой отчет в Совет по делам РПЦ, С. С. Попов пишет об этом несколько подробнее: “Во время приема епископа Леонида перед ним были выдвинуты следующие вопросы, по которым достигнута с ним договоренность:

О сокращении фактов посвящения им в духовный сан, в особенности в диаконы, т. к. никакой нужды в диаконах церкви не испытывают и службы в церквях могут проводиться без диаконов. Контингент диаконов в большинстве своем является резервом для посвящений в священники. Епископ Леонид согласился, что он без особой надобности не будет посвящать в духовный сан (за 1958 год было лишь одно рукоположение – во диакона, за 1959 год вообще ни одного. – А. Д.)...

О недопустимости в дальнейшем проведения ремонта в церковных зданиях без разрешения уполномоченного. Епископ в беседе заявил, что ранее якобы бывший уполномоченный Совета тов. Лысманкин говорил ему, что ремонт церквей его не интересует и поэтому он (епископ) единолично разрешал ремонт церквей, без согласования с уполномоченным. В дальнейшем он обещал давать согласие на ремонт церковных зданий только в том случае, если община будет иметь материал на производство этого ремонта и разрешение уполномоченного”²⁹⁶.

В соответствии с последним пунктом, 12 февраля 1959 года облисполком разослал во все райисполкомы предписание установить контроль за ремонтом церквей и допускать только их текущий ремонт, а не капитальный, который необ-

ходимо согласовывать с уполномоченным. Для такого решения вроде бы некоторые законные основания и имелись, поскольку церкви не являлись собственностью религиозных общин, а сдавались им по договору. Но ведь мы-то знаем, из всего вышесказанного, что этот вопрос делался подконтрольным уполномоченному отнюдь не из-за заботы последнего о проведении более качественного ремонта храмов. Запрет на самовольный ремонт приходскими общинами своих церквей в ряде епархий привел к необходимости скупать духовенством и церковным советом в магазинах ведра, корыта, ванны, стиральные доски, чтобы хоть как-то залатать крышу. Что же касается вопроса о рукоположении священнослужителей, являющегося полной прерогативой архиерея, то Совет, получив отчет своего уполномоченного, весьма обеспокоился превышением им своих прав и потребовал объяснений, которые вскоре же и последовали: “В отчетном докладе мною упоминается, что с епископом Леонидом достигнута договоренность о том, что он сократит число посвящений им лиц в духовный сан. Эту договоренность не следует понимать как результат одной с ним беседы, это следует считать как результат длительной работы с епископом, изучения его взглядов, настроений и использовании в наших интересах удобно сложившихся моментов и обстоятельств. В непринужденных беседах во время приема епископ Леонид нередко подчеркивает, что он человек с современными взглядами. Понимает, что можно делать, а без чего можно обойтись. Такие моменты были удобными для бесед с ним по интересующим нас вопросам, в том числе и по вопросу посвящений в духовный сан. В одном из таких разговоров по вопросу посвящений в духовный сан Леонид говорил: “Я не епископ Кирилл (умер). Это он посвящал всех подряд, кого надо и не надо. Мне тоже приходится это делать, но это по необходимости”²⁹⁷. И чтобы уж совсем закрепить победу, уполномоченный напомнил архиерею о двух его неудачных случаях рукоположений в 1957 году, когда один из посвященных оказался ранее судимым за измену Родине, о чем епископу не было известно, а другой, на радостях, явился к уполномоченному за справкой о регистрации в сильной степени опьянения. Естественно, что на это напоминание Преосвященный отреагировал очень болезненно.

Как мы видим, уполномоченный становится полным хозяином положения, а когда противник диктует свои условия во всем – это уже полная капитуляция. Поэтому не удивительно, что 3 марта 1959 года по настоянию С. С. Попова епископ Леонид отдал распоряжение священнослужителям епархии “воздерживаться от совершения обряда крещения детей в частных домах и церковных сторожках, а совершать его только в церквях”²⁹⁸. Слишком часто, видно, происходили случаи крещения детей у ответственных работников. Не зря же на бюро обкома КПСС, состоявшемся 26 января 1960 года, прозвучало, к примеру, такое: “В одном из постановлений пленума Верховного суда РСФСР разъяснялось, что “совершение религиозного обряда над детьми вопреки воле родителей, хотя бы и по просьбе

родственников” должно повлечь за собой уголовную ответственность. Это постановление нарушается духовенством: крещение детей часто совершается по просьбе бабушки и других родственников. Отмечаются случаи, когда исполнение религиозных треб в домах верующих совершается вопреки закону без согласия на это всех членов семьи”²⁹⁹. Вот так постановка вопроса! Нарушают закон сами родственники, а виновными снова становятся священники.

Часты были приглашения духовенства на дом и для совершения молебнов, что не запрещалось законом, но очень беспокоило и уполномоченного, и местных руководителей, поскольку свидетельствовало о гораздо большей религиозности населения, чем о том можно было судить на основании посещаемости церквей. Особую активность проявлял в этом священник А. П. Шувалов, настоятель церкви с. Малой Ижморя Земетчинского района. В 1957 году он отслужил на домах у верующих около четырех тысяч молебнов, в феврале 1958 года посетил окрестные села Матчерку и Вяземку, где также совершил в общей сложности 500 молебнов. Естественно, что он сразу же попал в поле зрения уполномоченного. “Криминал” в отношении его нашелся тот, что он привлек к прислуживанию в церкви школьника Мишу Козлова, давая ему после окончания службы небольшие суммы денег. Но сам по себе этот факт был незначительным для того, чтобы воздействовать на священника. И тогда в дополнение к нему уполномоченным зачитывается жалоба, где наряду с этим случаем говорится о его якобы попытке изнасиловать хористку церкви (можно себе представить, какой бы шум поднялся, если бы это в действительности имело место!). И, как сообщает сам уполномоченный, “жалоба на него произвела сильное впечатление. В этот момент ему и было также высказано, что на него имеются жалобы, что он сам без разрешения ходит с молебнами по селам района. Боясь за свое положение, он дал обещание прекратить хождение с молебнами и не допускать к прислуживанию Мишу. Свое обещание выполнил”.³⁰⁰ Так был потушен сильный очаг религиозности в области. Методами гнусными, но обычными в практике и того времени, и последующих советских, да, к сожалению, и наших лет.

Все делалось для того, чтобы подорвать влияние Церкви. Но, как показывают цифры, происходило непонятное: число треб, совершенных в церквях, росло. Если в 1959 году в области было окрещено 26, 1 % от числа родившихся, обвенчано 6, 8 % пар новобрачных, отпето 39 % покойников и исповедалось в своих грехах 106 147 человек, то в следующем году, несмотря на широкомасштабные усилия по снижению религиозности в области, эти цифры соответственно составили – 29 %, 7 %, 44 % и 122 472 чел., то есть рост был буквально по всем показателям³⁰¹. Генетическая память русского народа, сопротивляясь навязываемому беспамятству, не желала предавать веру предков. И, естественно, что за нее креп-

че всего держались те, кто руководствовался в жизни не столько разумом, сколько чувством, – женщины, чутко улавливающие своей эмоциональной душой те нити, которые связывают человека с Богом. Мужчины, со своим практическим умом, быстро поняли, что играть активную роль строителя коммунистического общества, а тем более какую-то руководящую роль вообще после официальной установки ЦК КПСС, поднимающей их на борьбу с “религиозными пережитками”, и в то же время быть верующим человеком становится невозможным. Вера в Бога оказалась несовместимой с верой в светлое будущее, которое человек решил построить собственными силами. И тогда он встал на путь богоборчества.

4 октября 1958 года вышло постановление ЦК КПСС “О записке отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам “О недостатках научно-атеистической пропаганды”, которое вновь звало в наступление на религию. 23 октября того же года по этому поводу состоялось заседание бюро Пензенского обкома партии, которое в своем постановлении нацеливало все нижестоящие организации на активизацию антирелигиозной борьбы: “Обязать горкомы, райкомы КПСС, все партийные и комсомольские организации не оставлять без внимания ни одного факта, когда некоторые коммунисты и комсомольцы поддаются под влияние церковников и отправляют религиозные обряды или безучастно относятся к религиозным верованиям членов своих семей, создавать вокруг таких фактов непримиримое общественное мнение”. Этим было все сказано, почему последний пункт можно не читать: “Вместе с тем, бюро обкома КПСС обращает внимание на недопустимость подмены воспитательной работы грубым администрированием в отношении церкви и оскорблением чувств верующих и духовенства, допускаемых отдельными работниками”.³⁰² Бюро просто перекалывало всю ответственность неминуемых “ошибок” на этих самых “отдельных работников”. Да еще демонстрировало озабоченность соблюдением прав человека – обычная для партии лицемерная политика, приучившая всех жить по двойной морали. Может быть, конечно, кто-то сейчас и захочет преподнести подобные цитаты из партийных документов как заботу партии и правительства о своих гражданах, но ведь не зря сказано: “Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные: по плодам их узнаете их” (Мф. 7, 16). Вот и пожинаем мы сейчас эти плоды.

Итак, главам семей велено было у себя дома играть роль жандармов, изымая у своих престарелых родителей иконы и проводя с ними воспитательную работу. Так надо было понимать указание бюро. Для тех, кто скажет, что там ничего подобного нет, можно привести еще один документ, из постановления бюро Пензенского ОК КПСС, состоявшегося

31 марта 1961 года, где все сказано еще более определенной: “Не оставлять без внимания ни одного факта примиренческого отношения к религиозным проявлениям со стороны некоторых коммунистов, комсомольцев, руководящих работников, учителей, медицинских работников и другой интеллигенции, в семьях которых имеются иконы, допускаются факты отправления религиозных обрядов или имеются члены религиозных сект, особенно фактов отправления религиозных обрядов коммунистами и комсомольцами. По всем выявленным фактам принимать необходимые практические меры”³⁰³.

Как же тут после этого ходить в церковь? Все это моментально сказалось на ее посещаемости мужчинами: если в конце 1957 года представители мужского пола составляли в церквях одну треть или чуть меньше, в 1958-м – не более четверти, то в 1960 году – менее одной десятой от числа верующих.³⁰⁴

Постановление ЦК КПСС от 4 октября 1958 года сыграло роль детонатора, вызвавшего появление постановлений Совета Министров СССР от 16 октября того же года – “О монастырях в СССР” и “О налоговом обложении доходов предприятий епархиальных управлений, а также доходов монастырей”. Первое из них привело к резкому сокращению в стране числа монастырей и уменьшению их земельных наделов. Правда, Пензенской области оно не коснулось, поскольку здесь все монастыри давно были закрыты. Зато второе постановление, призванное подорвать экономическую основу Церкви, затронуло все епархии. Как мы уже знаем, основной статьей дохода церковью была продажа свеч. Увеличение государственного налога на свечное производство вынудило мастерские отпускать свечи по 200 рублей за килограмм вместо 16 рублей, поэтому, если Успенский собор раньше тратил на них 27 тыс. руб. в год, то теперь то же самое количество ему стало обходиться в 325 тыс. рублей. Сумма же выручки осталась прежней – около 885 000 рублей, в связи с чем чистая годовая прибыль уменьшилась почти на 300 000 рублей. И даже в этом беспределе не обошлось без обмана: постановление от 16 октября было доведено до сведения Патриархии 28 октября, а оказалось, что оно вступило в силу еще 1 октября, и в результате пришлось Церкви расплачиваться за уже проданные за целый месяц свечи по новым расценкам. Приходилось сокращать расходы, и в первую очередь – за счет хоров: с 1 января следующего года плату певчим Митрофановской церкви снизили на 25 %. Хоры были в каждой второй церкви, и на их содержание в 1957 году было затрачено 778 тыс. руб. В 1959 году число платных певчих в них насчитывалось 206 человек. Содержание трех хоров в Успенском соборе (третий был лишь по праздникам) обходилось в 225, 5 тыс. руб., двух хоров в Митрофановской церкви – в 166, 3 тыс. руб., Казанской церкви г. Кузнецка – в 85, 9 тыс. руб. Кроме того, пришлось уволить кое-кого и из обслуживающего персонала. Наполовину сократились затраты на ремонт храмов.³⁰⁵

Не давало покоя уполномоченному и наличие у духовенства транспорта, что видно из его отчета за 1959 год: «Наличие легковых автомашин в церквях оживляло деятельность церквей. Они широко использовались духовенством для поездок по окружающим селениям с целью совершения различных религиозных обрядов. Все это укрепляло материальное положение духовенства, увеличивало число совершаемых религиозных обрядов среди населения. В то же время церковный актив неодобрительно относился к содержанию автомашин в церквях. Все это давало основание поставить перед епископом Леонидом вопрос о незаконности содержания легковых автомашин в церквях. В результате обсуждения этого вопроса епархиальный совет и церковные советы церквей вынесли решение об отказе от дальнейшего использования в церквях легковых автомашин и добровольно сдали их безвозмездно в государственный фонд. Всего принято от церквей (Пензы, Кузнецка и с. Козлятского. – А. Д.) пять легковых автомашин марки «Победа». В настоящее время имеется только одна легковая автомашинка «ЗИМ» в епархиальном управлении. В церквях области легковых автомашин не имеется». Нарушение порядка приобретения машин, разрешенное церквям еще постановлением СНК СССР от 22 августа 1945 года, было, конечно, не более чем предлогом. Тем же постановлением разрешалось приходам строить дома для своих нужд, но с разрешения уполномоченного. Поскольку таких разрешений не оказалось, С. С. Попов счел возможным реквизировать и некоторые здания, построенные на церковные средства. В обоих этих случаях сам закон не был нарушен, а была лишь несоблюдена формальная его сторона. Но, тем не менее, это дало повод поставить вопрос об изъятии государством чужого имущества, а также об удалении в другой приход настоятеля церкви с. Русская Норка священника Д. М. Калмыкова, допустившего самовольное строительство. Дело, однако, было не столько в этом, как в том, что он развил в своем селе слишком уж активную деятельность и давно был на подзрении у уполномоченного: раздобыл 40 кубов леса на обшивку церкви, хотел построить колокольню при ней, «спровоцировал» в 1958 году ходатайство верующих об открытии церкви в с. Синодском, за что был вызван на беседу и предупрежден Поповым о недопустимости с его стороны давать советы верующим «хлопотать открытия своего прихода», не познакомил прихожан с письмом Патриарха и архиерейским указом о прекращении паломничества к расположенному неподалеку роднику «Семь ключей», «заигрывал» с детьми, раздавая им деньги, получаемые за совершенные требы. И развернул рядом с церковью большое строительство: построил большой пятистенный дом для духовенства, крестильню, купил у местного учителя еще один дом со срубом за 10 000 рублей. Тем самым подписал себе приговор, который, на основании всего перечисленного, уполномоченный определил очень лаконично: «Поэтому есть возможность его убрать, о чем надо поговорить с Леонидом». Разговор закончился переводом священника Калмыкова

в с. Головинскую Варезжку. А построенные им в Русской Норке дома по решению райисполкома были изъяты в пользу сельсовета, и в одном из них был размещен медицинский пункт.³⁰⁶

Возвращаясь к случаям реквизиции у церкви купленных ими машин и построенных на свои средства домов, отметим, что в своих действиях уполномоченный руководствовался последними указаниями на этот счет Совета по делам РПЦ. Дело в том, что “примиренческая” позиция Совета по отношению к Церкви больше не устраивала высшее партийное руководство страны. Председатель Совета по делам РПЦ Г. Г. Карпов, возглавлявший Совет с момента его организации в 1943 году, был сторонник нормализации этих отношений. Однако в партийных кругах, в связи с подготовкой к XXI съезду партии, состоявшемуся в январе – феврале 1959 года и провозгласившему переход к строительству коммунизма в СССР, окончательно утвердилась позиция, направленная на полное искоренение религиозных взглядов у будущих строителей коммунистического общества. 20 января 1959 года в Москве прошло инструктивное совещание уполномоченных Совета по делам РПЦ, на котором вместо председателя Г. Г. Карпова с докладом “О постановлении ЦК КПСС от 4 октября 1958 года “О докладной записке отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам о недостатках научно-атеистической пропаганды” и задаче Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР и его уполномоченных” выступил один из новых членов Совета И. И. Сивенков³⁰⁷. Он охарактеризовал прежнюю работу Совета как “примиренчество и пособничество церковникам” и отметил неправильную трактовку Советом многих положений постановления СНК СССР от 22 августа 1945 года, в частности, по вопросу приобретения церквями транспортных средств. Еще в 1946 году на кустовом совещании уполномоченных юрисконсульт Советом в докладе “По вопросам правового положения церковных органов и обложения налогом причтовых и церковных доходов” говорилось: “Само собой понятно, что разрешение от уполномоченного Совета на приобретение церковными органами транспортных средств требуется только в том случае, когда заключается нотариальная сделка на покупку, например, автомашины”. Оно и понятно: поскольку церковь не имела права юридического лица, уполномоченный выступал как бы в качестве ее поручителя. Более того, в своем письме от 14 апреля 1953 года Совет рекомендовал уполномоченным не препятствовать церковным общинам в покупке ими легкового транспорта. То же самое было и в отношении права строить и покупать дома для церковных надобностей, которые в первую очередь приобретались и

строились для проживания в них церковного причта, на что Совет по делам РПЦ и указывал своим уполномоченным: “Разрешение на приобретение церковными общинами домов под квартиры духовенству нужно выдавать и не искать причины для отказа”. Теперь же докладчик требовал от уполномоченных понимать все с точностью наоборот: как “право церкви, с разрешения уполномоченного Совета, арендовать, строить и покупать дома для молитвенных целей и отправления церковных обрядов”, а не для проживания духовенства. “Новое прочтение” закона давало возможность творить беззакония, выразившиеся в конфискации церковного имущества.

Много внимания уделялось в докладе критике Положения об управлении Русской Православной Церкви, принятого Поместным собором Русской Православной Церкви 31 января 1945 года и утвержденного государством. “В тот период, когда принималось Положение об управлении Русской Православной Церкви, – говорил докладчик, – имелись некоторые основания о предоставлении Церкви отдельных льгот. Но это ни в какой степени не отменяло советское законодательство, направленное на то, чтобы лишить религиозные организации, их центры и духовенство власти над общинами верующих, лишить их экономической базы, при помощи которой они усиливали свое влияние на отсталые слои населения”. Теперь докладчик обращал внимание на те документы, которыми нужно будет руководствоваться впредь во взаимоотношениях с Церковью, – ленинский декрет “Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви” 1918 года и постановление ВЦИК и СНК РСФСР о религиозных объединениях от 8 марта 1929 года, предусматривающие лишение церковной иерархии власти над общинами верующих, в которых священников должны были рассматривать как нанимаемых (наравне со сторожами, певчими и другими) общиной для совершения в церкви религиозных треб и служб. Тем самым вбивался клин между настоятелями общин и церковным советом: подмена существовавшего духовного единения чисто деловыми отношениями неминуемо должна была отразиться на том микроклимате, который всегда складывается там, где делается одно общее дело. Поэтому перед уполномоченными ставилась задача: всеми методами добиваться отстранения от обязанностей председателей церковного совета настоятелей, как правило более обеспокоенных, чем сами прихожане, состоянием храма Божия. В случае успешного осуществления “операции”, священнослужителям, лишенным права распоряжаться церковными средствами, не оставалось ни смысла, ни возможности заниматься благоустройством и украшением церквей, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Подверглось ревизии на совещании и основополагающее положение во взаимоотношениях Совета и Церкви, звучавшее ранее так: “В силу отделения Церкви от государства, уполномоченный, как представитель органов власти, не может вмешиваться в дела Церкви, требовать от нее представления каких-либо сведений, представляющих для нас интерес в смысле изучения ее положения и деятельности (о денежных доходах, об исполнении треб, о посещаемости церквей и т. д.). Таким образом, никакими другими источниками информации, кроме личного наблюдения, уполномоченный пользоваться не может”. Эта установка, неоднократно напоминаемая уполномоченным в инструктивных письмах Совета, ставила их в очень трудное положение: заставляла прибегать к различного рода ухищрениям, чтобы заполучить у священнослужителей нужную информацию. Естественно, что в своих отчетах они не могли дать полной картины религиозной жизни в регионе, за что постоянно получали замечания от руководства Совета. Теперь эту сложность на “законном” основании устраняли: “Такая установка находится в грубом противоречии с советским законодательством, относящимся к Церкви. Советское государство никогда не отказывалось от надзора за положением и деятельностью Церкви. Мы вправе требовать, конечно, в тактичной форме, не оскорбляя религиозные чувства духовенства, любые интересующие нас сведения, так как иначе мы не сможем сколько-нибудь нормально выполнять возложенные на нас государством обязанности по наблюдению за деятельностью Церкви”. Ну просто неприкрытый цинизм! Не говоря уж о напоминании, что Церковь не отделена от государства, а находится под его надзором, – как арестант в тюремной камере, где ему даны кое-какие права, но в любую минуту могут “устроить шмон”.

На этом инструктивном совещании были заявлены программные установки, которые потом найдут отражение в последующих документах, все более и более “закрепощающих” Церковь. Поражает та легкость, с какой те самые положения законодательства, которые давали Церкви определенную свободу действий, теперь, при новой их трактовке, оказываются совершенно противоположными. Ну как тут не вспомнить поговорку: “закон – что дышло...” Тем и отличалось советское законодательство, что оно было достойным отражением той системы, которая под видом борьбы за порядок, направленный якобы на охрану интересов граждан, попирало их права во имя осуществления бредовых идей, показывающих время от времени из-под напыленной маски заманчивого “светлого будущего” свой звериный оскал.

Вновь встав на проторенный путь борьбы с религиозностью, государство в своих действиях руководствовалось все теми же ленинскими принципами, которые он провозгласил в пылу своей ненависти к Богу: “...вся-

кая религиозная идея, всякая идея о всяком боженьке, всякое кокетничание даже с боженькой есть невыразимейшая мерзость, особенно терпимо (а часто даже доброжелательно) встречаемая демократической буржуазией, – именно поэтому это – самая опасная мерзость, самая гнусная “зараза”... Миллион грехов, пакостей, насилий и заразы физических гораздо легче раскрываются толпой, и поэтому гораздо менее опасны, чем тонкая, духовная, приодетая в самые нарядные “идейные” костюмы идея боженьки” (цит. по документу, в нем ссылка на: Ленин, соч. т. 35, с. 89–90). Именно в отношении этих ленинских установок и было заявлено на совещании уполномоченных: “Мы должны помнить и руководствоваться указаниями В. И. Ленина”. Что же тут удивляться современному состоянию нашего общества? Ведь в толпу (то бишь строителей коммунизма) в пылу борьбы с религией были брошены, как и завещал Ленин, миллион грехов, пакостей, насилий и заразы физических, которые она, однако, распознавать не стала, а посчитала за награду и разобрала между собой – кто сколько смог унести, чтобы оставить в наследство и детям своим, и внукам.

А какие перлы, наверняка созданные в высоких партийных кабинетах или по заказу сидящих там партийных функционеров, прозвучали на совещании в отношении свободы совести в нашей стране! “Свобода совести духовенством трактуется как свобода не только антирелигиозной, но и религиозной пропаганды. Такое понятие извращает действительную свободу совести... Действительная свобода совести должна включать в себя требование свободы не признавать никакой религии и свободы антирелигиозной пропаганды... Полная свобода совести в нашем понимании будет обеспечена только тогда, когда мы освободим совесть человека от религиозного суеверия. Вот почему в нашей конституции говорится о свободе антирелигиозной пропаганды, но ничего не говорится о религиозной пропаганде. Действительная свобода совести обеспечивается свободой антирелигиозной, научно-атеистической пропаганды, и только этим”. То есть, учитывая, что происходит сейчас в нашей стране в результате освобождения человека от богоданных ему нравственных религиозных установок, – когда порок и преступление стали уже нормой поведения, можно дать свободе совести, в ее советском, социалистическом понимании, и такое определение: это есть “стерилизация” советского человека от “микробов” религиозности, дающая побочный эффект, который во втором значении этого слова означает – “обеспложивание”, то есть лишение человека способности оставлять после себя потомство – в виде духовности, добра, любви к Родине, близким и тому подобным высокодуховным проявлениям человеческой личности.

Однако вернемся теперь назад, и посмотрим, какая кампания, более того – настоящая эпопея развернулась в Пензенской области, как и по всей стране, по ликвидации такого явления, как паломничество

к святым местам. Эта беспрецедентная акция развернулась вскоре после постановления ЦК КПСС от 4 октября 1958 года “О записке отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам “О недостатках научно-атеистической пропаганды”, и должна была означать начало, во исполнение вышеупомянутого постановления, “крестового похода” против недостойных советского человека “пережитков прошлого”. На этот случай было принято даже специальное постановление ЦК КПСС от 28 ноября 1958 года “О мерах по прекращению паломничества к так называемым “святым местам”, что свидетельствовало о чрезвычайной важности данного мероприятия для полной победы социализма, а затем и коммунизма в нашей стране³⁰⁸. В ответ на призыв к штурму, прозвучавший из Кремля, бюро Пензенского ОК КПСС 9 декабря 1958 года вынесло постановление, в котором, в частности, говорилось: “Обязать райкомы и горкомы КПСС путем проведения широкой массово-политической работы и научно-атеистической пропаганды среди трудящихся, на основе методов убеждения добиться прекращения паломничества и закрытия так называемых “святых мест”. Обратит внимание партийных организаций, что работа по прекращению паломничества и закрытию “святых мест” должна проводиться с одобрения местного населения... Обязать райкомы, горкомы КПСС и уполномоченного Совета по делам РПЦ доложить обкому к 20 мая 1959 года о ходе выполнения настоящего постановления”. Главный дирижер исполнения любых, даже самых бредовых, указаний партии – облисполком направил всем председателям райисполкомов письмо (№ 14/с от 29.12.58 г.), в котором говорилось следующее: “Усилить борьбу с паломничеством путем проведения широкой воспитательной работы среди населения, на основе методов убеждения добиться прекращения паломничества и закрытия так называемых “святых мест”. Организаторов паломничества к “святым местам”, крестных ходов, проповедничества, продажи предметов религиозного культа выявлять и привлекать через органы прокуратуры к административной и уголовной ответственности. Райисполкомам районов, на территории которых имеются так называемые “святые места”, наметить мероприятия, осуществление которых привело бы к закрытию “святых мест” и исключило бы возможность посещения этих мест паломниками. В этих целях предусмотреть занятие этих территорий различными постройками, использование под культурно-просветительные цели, организации оборудованных водоемов, опытных посевов и других мероприятий, требующих ограждения этих территорий. Мероприятия по закрытию “святых мест” должны проводиться с одобрения местного населения. О всех фактах участия в паломничестве духовенства действующих церквей сообщать в облисполком для принятия к ним соответствующих мер. О выполнении настоящего указания и ваших мероприятиях по прекращению паломничества сообщите в облисполком к 1 марта 1959 года”.

Для выполнения этого решения намечено было “привлечь” и саму Церковь, для которой тогда на повестке дня стояли более важные вопросы, связанные с дальнейшим выживанием в условиях, сложившихся после принятия октябрьских постановлений СМ СССР 1958 года “О монастырях в СССР” и “О налоговом обложении...”. Под давлением государственных органов появилось послание Патриарха, в котором говорилось, что Церковь не считает “священными” разного рода местные “святые” водные источники, почитаемые верующими, и предлагалось духовенству разъяснить верующим, чтобы те прекратили совершать хождение к таким местам.

21 мая 1959 года приехавший в Пензу для проверки выполнения постановления ЦК КПСС инспектор Совета по делам РПЦ К. Г. Иванов вместе с уполномоченным С. С. Поповым приняли епископа Леонида, поставив перед ним ряд вопросов, в том числе и о том, как выполняется указ Патриарха о прекращении паломничества, указав на то, что в ряде мест он даже не был зачитан, в том числе под самым боком у епископа – в Митрофановской церкви. Архиерей чрезвычайно быстро отреагировал на их замечание и уже 24 и 25 мая послал своих священников зачитать письмо Патриарха в сельских приходях: секретаря епархиального управления И. А. Шуватова – в Козлятское, Б. Мичкас и М. Ижмору, настоятеля церкви г. Сердобска священника Смирнова – в Соловцовку и Салтыково, священника Троицкого – в Русскую Норку.

Всего на территории Пензенской области было выявлено 21 место паломничества: 17 родников, два камня и одна могила.

Самым известным и посещаемым был родник Салолейка, расположенный недалеко от сел Прянзерки и Лукина Поляна Нижнеломовского района. Здесь, на Салолейской горе, с XVII века находилась Успенская женская пустынь, около 1690 года переведенная в г. Верхний Ломов. Но опустевшая обитель вскоре опять была заселена, на этот раз монахами, которые в 1710 или 1711 году построили в ней деревянную церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы. В 1752 году церковь, как и все постройки, сгорела, но затем была вновь отстроена. А в 1760-х годах в пустыни начали строить еще одну церковь – во имя Николая Чудотворца, которую, однако, освятить не удалось, поскольку в 1764 году Салолейская мужская пустынь была упразднена, а монахи переведены в Нижнеломовский Казанский мужской монастырь. Но в народной памяти осталась легенда о разорении монастыря пугачевцами. Может быть это и действительно имело место, и спустя 10 лет после упразднения монастыря сподвижники Пугачева разрушили оставшиеся церкви и постройки и даже замучили до смерти каких-нибудь монахов-отшельников, поселившихся в них. Как бы там ни было, а с тех пор потянуло богомольцев в это

намоленное место, чтобы зажечь в часовенке, построенной на месте бывшей церкви, свою свечу и вознести к Богу молитву о спасении души своей и своих близких и за упокой своих сродников и безвинно убиенных монахов, где-то здесь поблизости лежащих. Особенно многолюдно здесь бывало в 10-ю пятницу после Пасхи Христовой. В этот день родник посещало до двух тысяч паломников (а до революции и того больше), пришедших сюда не только из Нижнеломовского района, но и соседних, и даже из Мордовии.

Салолейский родник представлял собой не одиночный ключ, а около двадцати ручейков, сбегавших с высоты метр – полтора от земли из обнаженной породы горы. Они стекали в сооруженные деревянные желобки и собиралась в колодце, на срубе которого был укреплен крест и повешена икона. Рядом верующими была поставлена кабина, где они обливались родниковой водой для исцеления от болезней. Конечно, не сама вода их исцеляла, а та вера, которая заставляла их пройти десятки, а то и сотни километров. Почему не “воспользоваться” этой верой дома? Да потому, что там житейские заботы не дадут пребывать в том молитвенном состоянии, какое приобретает человек на пути к святым местам, настроенный на волну постоянного религиозного переживания. А налагаемый на себя в дороге пост и чувство покаяния, с которым идут верующие к заветному месту, еще более духовно очищают их. Поэтому, придя к конечному пункту своего пути, богомольцы приносят туда свое смирение, сердечное сокрушение о собственных грехах, создавая ту атмосферу “намоленности”, своего рода “озоновую дыру”, которая возносит молитвы их очищенных сердец прямо к престолу Божию. Поэтому и не удивительны случаи чудесных исцелений на святых местах, которые и святыми-то делаются самими людьми – от принесенного сюда ими раскаяния и от той веры, которая двигала ими совершить нравственный подвиг паломничества.

И вот теперь эти места подлежали уничтожению. На Салолейке неоднократно нижнеломовскими властями все постройки разбирались до основания, но верующие затем всё вновь восстанавливали. В 1958 году были строго предупреждены священники Д. З. Трапезников и Д. А. Кукушкин за совершение там молебнов, с угрозой снятия их с регистрации, после чего выезды их на Салолейку прекратились. Чтобы покончить с паломничеством, Нижнеломовский райисполком “на основе пожеланий граждан” вынес обязательное решение о запрещении хождения населения к роднику Салолейка, но поскольку это не могло остановить всех верующих, в особенности из других районов, то прилегающую к роднику территорию заняли под колхозную пасеку. 10 июля 1959 года, на 10-ю пятницу, инспекторская проверка показала, что вместо двух-трех тысяч, как раньше, родник посетило лишь 500–600 человек, и то в основном это

были жители Беднодемьяновского, Наровчатского, Пачелмского, Голицынского, Мокшанского районов Пензенской области и Торбеевского, Инсарского и некоторых других районов Мордовской АССР, местных же жителей почти не было.

В Нижнеломовском районе имелось еще три места, пользующихся особым вниманием верующих, правда, в гораздо меньшей степени, чем Салолейка. Это два родника – в селе Норовка, на месте бывшего Казанского мужского монастыря, и в селе Серый Ключ, над которыми верующими были построены часовни. Одну из них, над родником “Серый ключ”, в мае 1959 года местные власти велели сломать, в другую же, куда местные жители ежегодно ходили на Троицу, просто закрыли дос- туп. Третьим местом была могила в с. Стяжкино бывшего приходского священника Николая Болоховского – выдающегося подвижника и проповедника Пензенской епархии, преклонить колена в молитве с которым, послушать его назидательные беседы и поучения стекалось множество богомольцев и почитателей его праведной жизни не только из Пензенской, но и из других губерний. И после его смерти осиротевшая паства не забывала почтить его могилу своим присутствием, превратив ее, в знак преклонения перед своим духовным наставником, в место, где бы они могли продолжить общение с ним посредством молитвы, обращаясь к нему уже как к своему предстателю перед Гос-подом, будучи уверенными, что его праведная жизнь на земле была по достоинству оценена Богом, несомненно вознесшим его после кончины к себе на небеса. В 1958 году над его могилой была сооружена часовня, которую уже в следующем году в пылу борьбы с паломничеством сломали, разбив и надгробный камень, – чтобы не оставалось и следа от этого почитаемого верующими места. На тех же коммунистов, кто принимал участие в строительстве часовни, – Н. И. Токарева, В. Е. Стяжкова и П. Я. Кошкина – Нижнеломовский райком партии наложил партийные взыскания. В ходе выполнения известных постановлений ЦК КПСС и бюро Пензенского обкома партии обнаружилась на кладбище в с. Кувак-Никольское самовольно построенная часовня, которую тоже, не долго думая, сломали.

Другим, после Салолейки, особо почитаемым местом в области был родник “Семь ключей”, расположенный в нескольких километрах от села Русская Норка Шемшейского района, на берегу реки Узы, где ежегодно на 9-ю пятницу собиралось до тысячи паломников, в том числе и из Саратовской области, почтить Тихвинскую икону Божией Матери, обнаруженную, согласно преданию, на источнике в середине XVIII века. По такому случаю в течение двух дней в церкви села Русская Норка шла служба в честь этой явленной иконы. По настоянию уполномоченного епископ Леонид был вынужден запретить эту службу, чтобы не привлекать в церковь паломников, пришедших в этот день к роднику “Семь ключей”. А для предотвращения доступа к источнику рядом с ним была также устроена пасека. Тем не менее 3 июля 1959 года, на 9-ю пятницу, родник посетило до двухсот человек.

Война с родниками затронула и другие районы – Белинский, Каменский, Колышлейский, Земетчинский, Малосердобинский, Сосноборский, Сердобский и Пензенский, где также наблюдалось посещение источников верующими на 9-ю пятницу.

В Белинском районе, на территории колхоза “Красное знамя”, имелся родник, который так и назывался “Пятница”. Вода из него подавалась по трубам на животноводческую ферму. На запрос, поступивший из облисполкома, что намерены предпринять местные власти для предотвращения к нему доступа верующих, Белинский райисполком ответил: “Весной этого года над родником будет построен шатер с целью предотвращения возможного отравления воды, используемой для водопоя колхозного скота”. Зампред облисполкома Н. Христофоров поддержал это предложение: “Постройку каптажа над “святым” родником, расположенным на территории колхоза “Красное знамя”, с целью прекращения к нему паломничества верующих облисполком одобряет”.

Каменский райисполком в мае 1959 года рапортовал, что в с. Холевке Каменского района в 1 км от села имеется родник, где на 9-ю пятницу райком ВЛКСМ совместно с комитетом комсомола колхоза “Победа” намечают провести спортивное мероприятие. На такое предложение С. С. Попов не согласился, резонно возразив, что “старухи все равно придут в этот день за водой, и скопление молодежи лишь привлечет внимание к роднику населения”, и предложил: “Рекомендую рассмотреть вопрос: нельзя ли его засыпать землей, т. к. он якобы очень небольшой”. С источником в с. Кочетовке “повезло” – его смыло тальми водами.

В Колышлейском районе, кроме почитаемого родника, располагавшегося в полкилометре от с. Давыдовки, в овраге, были еще два необычных объекта, которые почему-то посещались местными жителями. Это “святые камни”: в Заворицино, куда ходили на Троицу, – его предложили взорвать на стройматериал, и в с. Черкасском, о котором Колышлейский райисполком 17 марта 1959 года сообщил в отдел пропаганды и агитации ОК КПСС, что, “учитывая просьбу и желание жителей с. Черкасск, на территории оврага, где находился “святой камень”, для обслуживания населения построена плотина и пруд”.

“Молочный родник” рядом с с. Салтыково Земетчинского района просто завалили камнями, потому что больше ничего с ним не смогли сделать. Но зато решили отыгаться на местном священнике И. В. Сазонове, который систематически совершал страшные “преступления”: освящал в своей церкви принесенную из родника воду, тем самым не отвечая, а, наоборот, поощряя верующих ходить к роднику. Ему через епис-

копа Леонида было сделано строгое внушение о недопустимости впредь совершения подобных действий.

“Богомольный родник” в с. Малой Сердобе постигла печальная участь: колхоз “Россия” огородил его территорию, организовав там водопой для скота.

В с. Зеленовке Сердобского района, где паломники останавливались на 9-ю пятницу под сенью двух ветел, эти ветлы выкорчевали. А в Петровке над родником устроили каптаж, оградив сам источник от посягающих верующих. Что сделали с родниками в Верхней Липовке Сосновоборского района и в Мастиновке и Соловцовке Пензенского района, не известно. В Большой Валяевке Пензенского района, где бил мощный родник, на котором в глубокой древности обрели икону Божией Матери “Живоносный источник”, стояла каменная часовня. В 1958 году колхоз ее даже отремонтировал, а ключи передал верующим, для отправления в ней религиозных обрядов. Но уже в следующем году ключи пришлось забрать назад, а родник заключить в трубу, подведя ее к животноводческому комплексу.

В 1958 году вдруг объявилось еще одно место, к которому моментально потянулись верующие: прошел слух, что на железнодорожном разъезде Кривозерье, на территории совхоза имени Сталина, видели в родниковом колодце икону. Тотчас же на колодце приладили крышку и повесили замок, а в “Пензенской правде” по этому поводу напечатали фельетон.

Во всех районах, где наблюдалось паломничество, была усилена атеистическая пропаганда путем проведения лекций на научно-атеистические темы типа: “Наука и религия”, “Происхождение человека”, “Сколько может жить человек”, “Религия, быт и суеверие”, “Атеистическое учение Павлова”, “Есть ли у человека судьба”, “Погода и ее научное предсказание” и т. п.

Проведенная в 1959 году кампания по искоренению паломничества в области достигла определенных результатов, но совсем погасить очаги “религиозного суеверия” так и не удалось: к лету 1960 года оставалось еще три посещаемых паломниками места – Салолейка, “Семь ключей” и источник в Соловцовке, с которыми решено было покончить в самое ближайшее время.

Совещание уполномоченных 1959 года поставило перед ними новые задачи, сформулированные инструктивным письмом Совета от 29 августа 1959 года³⁰⁹. В отношении проведения богослужений на домах верующих по их просьбам следовало разъяснение, что “руководствуясь поста-

новлением ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 года, запрещающим совершение религиозных обрядов в помещениях общего пользования и в различных общежитиях... отправление религиозных треб на дому у верующих может иметь место только в тех случаях, когда об этом есть просьбы верующих, заверяющих, что в их доме, квартире нет лиц, возражающих против совершения религиозных обрядов". Действительно, раз семья теперь стала общежитием, где нет единомыслия, уважения к чувствам близких, почему бы и не применить этот пункт, не совершая тем самым никаких незаконных действий, поскольку те человеческие чувства, которые не одобряются законом, не имеют права проявляться на людях, исповедующих государственную религию – атеизм, дабы не сбивать их с пути истинного.

Чрезвычайно важной установкой, спущенной сверху уполномоченным, являлся пункт "о приходящих в упадок приходах": "В результате улучшения научно-атеистической и культурно-просветительной работы среди населения в ряде мест деятельность некоторых церковных общин резко падает или снижается, церковь и молитвенный дом посещают незначительное число лиц, и церковная община не может существовать без денежной помощи от Патриархии или епархиального управления. Уполномоченным Совета необходимо срочно выявить такие общины, разработать по каждой из них, исходя из местных условий, конкретные меры-приятия, способствующие самоликвидации этих общин. Прежде всего, под хорошо продуманным предлогом, не нужно допускать направления в эти приходы постоянных и временных священников. С епископами, которые прислушиваются к нашим рекомендациям, нужно прямо говорить о том, что приходящие в упадок приходы искусственно поддерживать не следует и если верующие не могут содержать церковь и священника, то такую общину следует считать самоликвидировавшейся и ее необходимо снять с учета действующих в установленном порядке через Совет. Безусловно, эту работу нельзя проводить кампанейски, а тем более путем административного нажима на епископа или других административных действий". Последняя фраза напоминает уполномоченным, что в общем-то их действия не являются законными и в случае чего вся ответственность будет лежать на них. То, что такое предупреждение было не лишним, говорит хотя бы тот факт, что вскоре после этого в Совете персонально рассматривались "ошибочные" действия уполномоченного по Молдавской ССР Олейника по снятию им с регистрации сразу 158 религиозных общин. В нашей области, правда, счет мог идти только на единицы, поскольку церковью здесь было довольно-таки мало. Зато ликвидировать "приходящие в упадок приходы", дотируемые епархиальным управлением, не составило особого труда, поскольку отношения с епископом Леонидом были налажены, и он давно уже не просто прислушивался к рекомендациям уполномоченного, а выполнял все его указания.

В отчете за 1959 год пензенский уполномоченный отмечал, что из

двадцати девяти церквей и четырех молитвенных домов на конец года пять церквей уже фактически не действовали. Церковь в Вазерках Пензенского района (Бессоновский район был к тому времени ликвидирован) сгорела еще в феврале 1959 года. В сентябре 1959 года по решению облисполкома закрыли церковь в Большом Мичкасе Нижнеломовского района, располагавшуюся рядом со школой, а местной общине в соответствии с решением Совета по делам РПЦ от 30 июня 1959 года было предоставлено право постройки молитвенного дома на сельском кладбище. Что касается трех других церквей, то насчет них уполномоченный общал в Совет следующее: “В отчетный период по нашему настоянию епископ Леонид прекратил незаконную [?!] выдачу денежной дотации церквям в с. Юлово Мокшанского района, в с. Плетневка Белинского района и в с. Лопатино Городищенского района. Выдача епархиальным управлением денежной дотации имела цель подкрепить экономическое положение этих церквей, так как ввиду сокращения численности верующих они стали приходить в упадок. После прекращения выдачи дотации церкви на свои средства не смогли содержать духовенство. В результате отсутствия духовенства в 1959 году церкви перестали функционировать, что еще более привело к упадку и распаду религиозных общин. В настоящее время с епископом достигнута договоренность о том, что епархиальный Совет вынесет решение об отказе от дальнейшего использования упомянутых церковных зданий. Это позволит в текущем году решить вопрос о их закрытии и снятии с регистрационного учета действующих церквей”.³¹⁰

Полное подчинение своему влиянию архиерея позволило уполномоченному в плане работы на 1960 год сформулировать ближайшие свои задачи в жестком, категорическом тоне, не допускающем даже возможности их невыполнения:

– Следить, чтобы епархиальное управление не оказывало денежной помощи слабым приходам с целью предотвращения их самоликвидации.

– Принимать строгие меры воздействия, вплоть до снятия с регистрации, к тем лицам из духовенства, которые организуют ходатайства верующих об открытии церквей, поощряют паломничество верующих к так называемым “святым местам”, “отчитывают бесов” и допускают другие действия, способствующие распространению религиозных суеверий среди населения.

– Оказать влияние на епископа и духовенство с целью удаления из состава церковного актива и обслуживающего персонала церквей лиц молодого возраста и решительно пресекать попытки заигрывания духовенства с детьми с целью привлечения их в церкви.

– Осуществить в текущем году мероприятия по снятию с регистрационного учета церквей в селах Юлово, Лопатино и Плетневка, которые

прекратили функционировать из-за отсутствия в этих церквях средств для содержания духовенства и прекращения выдачи денежной дотации епархией”³¹¹.

А теперь познакомимся еще с одним документом, который зачитывался 26 января 1960 года на бюро Пензенского ОК КПСС, рассматривающего ход выполнения постановления ЦК КПСС от 13 января того же года “О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах”. Это – требования, по другому не скажешь, начальника управления Комитета государственной безопасности при СМ СССР по Пензенской области генерал-лейтенанта В. Губина:

“В целях ограничения деятельности церковников и сектантов, недопущения в будущем нарушений советских законов с их стороны необходимо:

1. После подготовки соответствующих условий закрыть церкви в селах Юлово Мокшанского района, Лопатино и Плетневка, ввиду малочисленности приходов, не имеющих возможность содержать священников.

3. Через уполномоченного по делам православной церкви при Пензенском облисполкоме и местные органы власти не допускать:

а) проведение капитального ремонта церковных зданий и приобретение транспортных средств без разрешения органов власти;

б) выступлений служителей церкви с проповедями, разжигающими религиозный фанатизм верующих, и призывом привлекать новых лиц в сектантские общины;

в) исполнение религиозных треб в домах верующих без согласия всех членов семьи и крещения детей без ведома родителей.

4. Через партийные и общественные организации оказать влияние на лиц, особенно из числа молодежи, участвующих в церковных хорах и работающих по найму в церквях с целью отрыва их от церкви и сектантских общин.

5. С целью снижения доходов служителей церкви следует рассмотреть вопрос об увеличении налога на духовенство и переводе священников на оклады.

6. В порядке ограничения паломничества верующих к так называемым “святым местам” через местные советские органы провести дополнительные мероприятия по использованию таких мест для культурных или производственных нужд колхозов и совхозов”³¹⁷.

Не правда ли, все нам это уже хорошо знакомо. А теперь давайте зададимся вопросом: откуда у начальника местного КГБ такая хорошая информированность в делах, вроде бы впрямую безопасности государства и не угрожающих – о каких-то там малочисленных сельских прихо-

дах, налогах на духовенство и т. п.? И ведь одно дело – просто быть в курсе каких-то дел, следить, так сказать, за настроениями в обществе, а совсем другое – указывать обкому партии, как ему лучше выполнять постановление своего же Центрального Комитета. Если только эта работа не касается и самого КГБ, или же его работника, поставленного на определенный участок идеологической борьбы с инакомыслием. Так что такая весомая поддержка, оказанная уполномоченному на бюро обкома от лица организации, не прислушиваться к которой во все времена было чревато самыми серьезными последствиями, не могла не прибавить ему уверенности при обращении в вышестоящие партийные и советские органы.

Возможно, это оказывало влияние и на епископа Леонида, который не в состоянии был больше управлять Пензенской епархией. 22 марта 1960 года он был назначен епископом Калужским и Боровским и 9 мая того же года, в связи с 35-летием его священнослужения, удостоился возведения в сан архиепископа. Через два года по болезни уволился на покой, но спустя год вновь вступил в управление епархиями: 29 мая 1963 года стал архиепископом Ивановским и Кинешемским, а 30 марта 1964 года – Харьковским и Богодуховским. Скончался архиепископ Леонид в 1967 году, 28 июля – в день своего рождения.³¹³

